

Н.И.Коновалова
Екатеринбург

**Показания языкового сознания как компонент
лексикографического представления сакрального текста**

Активно разрабатываемая в последние десятилетия этнолингвистическая и лингвокогнитивная лексикография «знаков культуры», существующая в разных вариантах, свидетельствует об актуальности словарного представления отдельных фрагментов русской языковой картины мира. В этом смысле интересным представляется создание проекта словаря сакральных текстов (далее – СТ), аналога которого в лексикографической практике нет. Можно отметить лишь включение отдельных сакральных характеристик в словарные статьи диалектных, историко-этимологических, фразеологических, этнолингвистических и некоторых других словарей.

Для лексикографического представления СТ особо значимым нам представляется обращение к показаниям языкового сознания носителей современной русской культуры и отражение их в том или ином виде в словарных дефинициях. При этом следует, очевидно, учитывать две ситуации, определяющие выбор конкретных лексикографических техник семантизации СТ: 1) сакральная информация об обозначаемом формально выражена (темой СТ, внутренней формой слов или номинативных словосочетаний, входящих в его состав, сакрально маркированными онама, языковыми единицами, представляющими базовые компоненты феномена сакральности и т.п.); 2) сакральная информация формально не выражена (текст не содержит лексических маркеров сакральности, представляется на первый взгляд профанным, исходные сакральные смыслы без дополнительной информации не «считываются»).

В первом случае (**при наличии маркеров сакральности**) возможность выявления, осознания сакральной информации носителями языка достаточно реальна, хотя ее смысловая «глубина» может быть различной, поскольку основана на разного рода языковых и внеязыковых ассоциациях и обусловлена в значительной степени общекультурной компетенцией языковой личности. Для лексикографического представления такого рода

фактов достаточно интерпретации внутренней формы сакрально маркированных элементов СТ, их денотативной «привязки» и/или пояснения системных (внутрипарадигматических или межпарадигматических) связей, поскольку сакральный компонент составляет основу семантики этих единиц.

В качестве лексикографических техник семантизации компонентов СТ в данном случае может использоваться:

1. Толкование компонентов СТ через отсылку к сакрально маркированному мотиватору. Приведем фрагмент комментария к описанию регламентации обряда «хождения на кашу»: *На кашу обязательно подарок несли: пелёнку, рубашки, платки, полотенца. Одаривали, когда смотрели ребенка, но быстро и молча. Чтоб не сглазить. Говорят, дескать, хочь словам, хочь тяжёлым глазом одинак *изурóчат дак. А ба́ушка ту́то же с *баёвкой, пошóпиот, *побáит ли, знаткá дак, знат, чё надо *бáлеть (Паршино, Богд.).*

*Баёвка – трава, с помощью которой «бают» знахарки, измеряют ее «шепотками» для заговоров на снятие порчи, сглаза (ср.: *бáить // бáлить // бáлеть – ‘шептать, знахарить, заговаривать’).

*Изурочить – нанести вред здоровью, испортить кого-либо (чаще ребенка) словом или взглядом (ср. урок – сглаз, урекать – напускать на кого-либо порчу).

2. Выявление базовых сакральных смыслов через денотативные или понятийные компоненты. В качестве примера приведем фрагмент комментария к описанию того же СТ – регламентации обряда «хождения на кашу»:

На кашу¹ (идти, пойти, ходить, приглашать, звать) – 1. Обед после свадьбы, на который молодожены приглашают родню. Как правило, проходит в доме, где будут жить молодые. Невестка впервые выступает в качестве хозяйки дома: варит обед и обязательно ритуальную кашу, символизирующую достаток в доме, дарит подарки свекрови и родне мужа. Э-к-ту она свекровке на кашу шáлку подарила, бáссиньку, уж больно старалася ей пондравиться [Тугул.] 2. Званный вечер после крестин. Хрёстна на кашу приглашóна дак, робёноцкя-то в церкве уж окрестили, щас дома гулянка будёт [Никольское, Камышл.]. 3. Семейный праздник (отжáинки), знаменующий окончание

хлебоуборочных работ. *Васька к имя' на кашу повиялся, щас не дождать его, ему за один край, хоть отжинки, хоть зажинки, лишь бы пбдали* [Алап.].

*На кашу*² (*жить, жить без худобы*). ◊ На кашу жить без худобы – жить хорошо, удачливо. *Красота! Жить на кашу без худобы – говорят, когда что-либо удаётся* [СРНГ, т.13: 149].

Ср. также вариант комментария к страшилке о привидениях:

У нас в Зарубиной есть один старый заброшенный дом, в котором много лет уж никто не живёт. Окна в нём повывбиты, ставни оторваны. Ворота покосились, палисадник выпал, забор вывалился, столбы изгнили. Стоит этот дом почти что в центре деревни, но никто не хочет его ремонтировать и жить в нём. В этом доме в полночь появляется дух в шляпе и в белом плаще. Этот дом все обходят десятой дорогой даже днём, говорят, что когда-то давно там жил молодой мужчина, который уехал в город искать счастья. И как в воду канул: то ли умер он там, то ли убили, только дом пустовать остался. Заселился в этот дом мужчина, у которого сгорел от пожара дом, и жить ему было негде, вот он и поселился в нём. И вот однажды человек в чёрной шляпе явился в полночь и задушил его. На другой день нашли мужика мёртвым, а на шее у него чёрный след от удавки, а удавки нигде нет. Стали дом караулить да следить, кто туда ходит. Да так и не дождались. Както вечером молодёжь возвращалась с гулянья и увидела, что кто-то стоит у этого дома в белом плаще и шляпе. Подошли поближе, а там никого нету, только кусты зашумели. Испугались парни да девчата такого виденья и бежать. Прибежали, рассказали всё, что видели, но им никто не поверил. Потом его ещё не раз видали возле этого дома ночью, но подходить близко боялись. Вот дом-то и разрушился – никто его ремонтировать не хотел – боятся люди мести человека в плаще за отобранный у него дом. А ещё люди говорят, что душа его место себе выбрать не может, потому как тело, наверное, не предано земле до сих пор. Вот схоронить бы его, и дух бы здесь больше не явился, успокоился навсегда (д. Зарубино Талиц.).*

*Дух – привидение. В славянской демонологии – духи умерших неестественной смертью, самоубийц и грешников. Могут принимать образ человека, ребенка, девушки или женщины, а

также животного, гусыни, лебедя или человекообразной фигуры с козьими ногами [Капица 2003: 97]. Считается, что привидения появляются, если тело умершего не предано земле, если он не простил кому-то из оставшихся в живых обиду или если у него осталось какое-то очень важное незавершенное дело.

3. Толкование через анализ системных связей единиц одной парадигмы. Ср. комментариев к описанию регламентации обрядов взаимодействия с деревенскими знахарями и знахарками, демонстрирующий различия семантической структуры родовых коррелятов:

**Знахарь* и **знахарка* в народной традиции характеризуются как общими, так и отличительными признаками. С одной стороны, это немолодые люди, обладающие тайным знанием (*знаткой*, *знаткая* // *знат*, *знатка* // *знатливый*, *знатливая* // *знатник*, *знатница* и т.п.), способные лечить (*лекарь* // *лекарка*), предсказывать судьбу (*гад* // *гадалка* и номинации общего рода *гадина*, *гадада*), колдуны, насылающие порчу (*волхит* // *волхитка*), колдующие на корнях деревьев (*кореницик* // *коренищица*). С другой стороны, отмечается набор характеристик, свидетельствующих об их «специализации», что находит выражение в соответствующих номинативных вариантах.

Знахарь: а) тот, кто знает тайны охраны скота, помогает во время охоты; б) дает бережье (ладанку) от порчи и сглаза = *бережчик* [СРНГ, т.2: 251]; в) занимается бесплатным лечением = *бесплатник* [СРНГ, т.2: 272]; г) насылает грыжу, килу = *грыжевак*, *киловед* [СРНГ, т.7: 175; т.13: 208]; д) заговаривает зубы = *воржеец*, ср.: *ворчье* – заговор, заговариванье, нашептыванье знахаря [СРНГ, т.5: 99]; е) занимается лечением людей и животных = *коновальцик* [СРНГ, т.14: 260].

Знахарка: а) повивальная бабка, акушерка = *повитуха*, *баба*; б) женщина, занимающаяся ворожбой = *ворожейка* // *ворожея*; в) лекарка, знающая заговоры = *баси́ха* [СРНГ, т.2: 131]. Ср.: *басить* – лечить с помощью заговоров; г) лечащая болезни травами и нашептыванием = *закликуха* // *кликуха*. Ср.: *закликать* – воздействовать на кого-что-либо силой заговора, заклинания с лечебной или иной целью [СРНГ, т.10: 132]; д) примиряет мужа и жену с помощью заговоров, трав и других знахарских средств = *ладельщица* [СРНГ, т.16: 231]. Ср.: *ладить* – устанавливать

лад, мир; е) может оборачиваться птицей, зверем, другим человеком = *опрокидка*.

См. также устойчивое противопоставление в традиционной народной культуре номинаций людей, обладающих «тайным» знанием (*колдунья – знатка – знахарка – вещица – баушка* и др.), осознаваемое современными носителями языка (говора), о чем свидетельствуют контексты, эксплицирующие системные связи лексем одной тематической группы: *Знатка – так говорят про женицин: «Она знатка. Не знаткая, а знатка». Так и говорят, они присушками всякими любовников присушивают. Знатких-то не любят, это не то, что лекарка или знахарка, здесь с нечистой связано, после их слов плохо людям бывает, потому что она знатка, знает чё-то нехороше.*

4. Толкование с опорой на контексты, свидетельствующие об этимологической рефлексии носителей языка (говора). Под этимологической рефлексией понимаем наличие в языковом сознании говорящих своеобразных реликтов исходного мотивационного значения слов с утраченной или затемненной внутренней формой⁴. Суть этимологической рефлексии заключается в том, что язык различными средствами способен сохранять «память о первоначальной изобразительности слова» [Буслаев 1851, 15], сигнализируя о признаке, положенном в основу наименования.

Об этимологической рефлексии свидетельствуют:

а) контексты-пояснения, обнаруживающие спорадическое восстановление исходного номинативного признака в словах с затемненной внутренней формой. При этом в качестве интерпретирующих компонентов используются этимологически родственные ассоциаты (слова того же корня): *мамоня // мамуна* 1) ‘мифологический персонаж, обитающий в доме, ленивый и прожорливый’; 2) ‘нечистая сила, вредящая беременным женщинам и жеребым лошадям’. Ср. *мамон* ‘пузо’, *мамоня* ‘лентяй, обжора’ [МФ, т. II: 566]; ‘лентяй, вялый разиня, обжора, объедала’ [Даль, т. II: 296]: *Мамоня он мамон наедат, сам нечё не делат, а любит, чтоб его ублажали* (Богд.). *Мамуна заведётся,*

⁴ См. об этом: [Гридина, Коновалова 1991; Коновалова 2001].

дак всё как в прорву, у ево мамун-от бездонной, сколь сробиишь, столь и съес (Богд.). Если берёжа кобылка худеёт, знать-то мамуна завёлся, свой мамон наёдыват, а та и худеёт (Богд.). Чё баба с брюшка желат, то надо ей дать, и чтоб положила мамоне на шосток, он того же со своёго мамона желат, не дас, дак он сам заберет, и робёнок будёт худосочной (Богд.). **Гамка** 1) ‘колдунья, несущая раздор в семью’; 2) ‘кликуша, женщина, в которую вселились бесы, орущая не своим голосом’ – из *гам* (?). Ср. *гама*, *гаметь*, *гамить* ‘шуметь’, *гамкать* ‘лаять’ [МФ, т.І: 390-391]; см. также *гам* ‘шум, громкая ссора’, *гамканье* ‘глухой, отрывистый лай’, *гамкала* ‘сварливый, вздорный человек’ [Даль, т.І: 343]: Чё ты *гамкашь*, как *гамка* (Байк). *Гамки* – несчастны бабы, про одну сказывали, она у церкви пала, ох и поорала, ох и поорала, и кукарекала, и *гамкала*, и чё толькё не выделявала, да сильнуца, еле удёрживали, а нечё не спомнила потом и силами пала (Камышл.);

б) контексты, выявляющие актуальность исходного номинативного признака в семантике дестимологизированных лексем.
Жихарь: предположительно от *жихать*, -ся ‘гнуть(ся), шатать(ся), качать(ся)’. Ср. с норв. диал. *keis* ‘изгиб’, *keisa* ‘бегать, бесноваться’ [МФ, т.ІІ: 57]: *Жихари*, *беси*, *беситесь* не здесь (Богд.). *Жихарь* может сушиной обернуться, как коряга качатся, скрипит, наверно, голос такой, он не злой, он лес ото вреда охранят, может помогчи, поляну ягодну показать или место грибно (Тугул.). **Мара** ‘призрак, грезы, наваждение’, диал. ‘домовой’, укр. ‘призрак, привидение’. Родственно *манить* ‘вводить в заблуждение, обманывать’, *маять*, *намаять* ‘дать знать знаком, обмануть’, болг. *замая*, *омая* ‘чарую, одурманиваю’, польск. *тажак* ‘кружной путь, мираж’, далее сближают с др.-инд. *māuā* ‘превращение, видение, обман, иллюзия’, *dur-māuāyis* ‘применяющий злые чары’ [МФ, т.ІІ: 569, 571, 587]. *Мара* ещё есть, она пакостница, работать не даёт, в поле в белом платье ходит в саму жару, в облаке таком, чё-то как бы кажется, детей пугат, если без присмотру оставлены, кто в поле, дак голу обносит (Алап.).

Семантические связи такого рода позволяют установить соотношение происхождения слова с одной из спорных этимологий. Например, **обердыха**: возможно, от *бердо* ‘деталь

ткацкого станка' [МФ, т.І: 152]: *У обердихи ручки тоненьки и остра мордочка, на голове у ей маленьки рожки, она их волосам прикрыват, как пакля таки волосы, днём сидит за печкой, а по ночам проказничат с прялкой, с шитьём, веретёшком, кто коверки ткёт, дак спутат ресунок* (Богд.). *Спи за работой, дак обердиха сробит за тя, потом не распуташь* (Богд.). Ср. также возможную связь с *бередить*, возникшим путем переразложения из **об-вередити* от *веред* 'нарыв, гнойник, рана', 'вред, повреждение' [МФ, т.І: 154, 295]: *Нельзя днем за печку глядеть, а то ночью обердиха напакостит* (Асб.). Не исключено образование в результате метатезы от *обдериха*, связанного с *драть*, *обдирать*: *Больше всех обердиха вредит по ночам животным, особенно курам, перо им дерёт, ещё овечкам, которы не стрижены, шёрсть клочьям дерёт* (Богд.); *Настья выучилась стригчи, ак как обердиха клочьям всё выстригет, а фосону сколькё!* (Тугул.);

в) контексты, в которых деэтимологизированные слова выступают с постоянным определением, приложением и т.п. лексическим ассоциатом, семантически дублирующим значение утраченного этимона. **Лошак** 'мифологический злой дух, оборотень, представляющийся в виде мужика с длинными кривыми ногами и козлиными копытами'. Предположительно, от *лоший* 'дурной, плохой'. Эти слова считаются родственными гот. *lasīws*, ср.-нж.-нем. *las* 'слабый, вялый'. Кроме того, допустимо предположение о родстве с греч. *λοξός* 'кривой', ирл. *losc* 'хромой' [МФ, т.ІІ: 526]. Ср. также *лоха* 'дура, глупая баба, дурища, дурында' [Даль, т.ІІ: 269]. *Лошак худой, лошак-дурак, лошак-плошак* (в последних случаях, по-видимому, отмечаются факты игрового употребления имени). Возможно также объяснение названия *лошак*, возникшего в результате мены е/о из *лешак* на основе ложноэтимологического сближения с использованием продуктивной семантической модели образования названий нечистой силы по месту ее обитания. Такого рода сближение подтверждается рассказами о лошаке: *Лошак можот на бабе деревенской жениться, мужик и мужик, толькё глаза зелёным огонькам горят, да пуговицы у его не так застегнуты. Лошак можот подишутить и в чащобу завести, оттудова не выбе-рётся. Он капусту заячью любит, мясо не ест, внешностью такой весь обросший* (Богд.). Ср. также ложноэтимологические

сближения с *лошадь* в контекстах, актуализирующих представления о зооморфном облике нечистой силы: *Лошак козлов не любит, за бороды дёргат, а лошадей выделяют, косицы им заплетат, подкармливат, у другой скотины еду отберёт да лошаде дас, а кто говорит, что он сам, вроде, лошадь* (Асб.). У их тамо-ка Федька сказывал: *заснул маленько, потом слышит, заржали, думал, цыгане опять, ли хто, скочил, а лошадь чужа рядом с ихними, потом пропала и не знат, чё думать, сколь-то раз приходила и пропадала, свои-те от ей шарахалися, а она на котору взбурут скося, так та и квёла ставала* (Тавд.);

г) контексты, отсылающие к этимону и выявляющие разницу между первичным и вторичным значениями. Этот тип этимологической рефлексии связан с обращением к этимону, развившему вторичное (часто оценочное) значение: **домо́жир** // **домо́жил** // **жировой черт** ‘домовой’. От **жир**, связано с *жить*, как *пир*: *пить*. Значение ‘корм, пища’ делает связь слов с *жить* наиболее вероятной. Ср. *жировать, жировой* ‘жить роскошно, кутить, расточать’ [МФ, т. II: 56-57]: *Доможирка с ложкой увидишь – оставь на шостке поись, это к сытой жизни, с мешком – к деньгам, если он тебе покажется худой – это к худой жизни, если толстый да гладкий – к богатству* (Богд.).

С одной стороны, контексты указывают на соотносительность с *жирный, толстый*: ср.: *сытый домовой* (Алап.), *кормленный домовой* (Слобод.), *гладкий такой, ухоженный* (Богд.). С другой стороны, отмечается восстановление исходной связи с *жить*: *Доможир – такой дух, в доме живет* (Камышл.). Отдельные контексты указывают на семантическое слияние исходного и вторичного номинативного признаков (‘жить’ → ‘жить хорошо’ → ‘жировать’): *У зажиточных домовой* (Богд.). *Домовой, который хорошо живет* (Краснотур.). *Доможир лапой погладит ночью – к хорошему житью* (Средн.).

Семантической продуктивностью обладает вторичное значение этимона, более актуальное для синхронного употребления слова в языке. Ср.: **бахарь** ‘болтун, хвастун, колдун’, производное от *ба-*; ср. *баять, басня*, как *знахарь* от *знать* [МФ, т. I: 136]. Значение ‘хвастун’ развилось у *бахарь* в результате переосмысления исходного значения корня и последующей оценочной интерпретации глагольного действия: ‘говорить’ → ‘гово-

рить много' → 'болтать' → 'хвастать'. *Услышишь, бахарь возится да стучит – точно напраслину на тебя болтают* (Богд.);

д) контексты, отражающие забвение исходного мотивационного значения, но актуализирующие исходную мотивационную форму. *Памха* 'зло, вред, беда, неудача'. Из *па-* и *мох* (**памъха*) с первонач. знач. 'иней' [МФ, т.Ш: 195]. Ср. также *памха* // *помха* // *помеха* 'зло, вред, беда или неудача, напасть, поветрие, повальная болезнь, мор' [Даль, т.Ш: 14]: *Памхи маленькие, кошку когда напоминают или даже мышь, а вообще-то это некто, чё-то тако: не человек и не зверь, некто. Если в доме у кого будя памха есть, дак беда, ссоры, беспокойство, одне пакости от их* (Богд.). *Сейчас там болотина заросша стоит, раньше торф брали. Вот мы раз идем, а там баба гола сидит и волосы длинны чёшет. Мы испугались, заорали, она в мохе пропала, а бабушка нам сказала, что это памха, мохова баба, она там давно живёт, её многи видали, это не к добру, кто увидит дак* (Камышл.);

е) контексты, включающие табуированные обозначения нечистой силы и эксплицитно представленное слово, подвергнутое условной замене. Соотнесение прямого и табуированного обозначений нечистой силы осуществляется в контекстолковании посредством устойчивых словесных формул, нанизываемых одна на другую и употребляемых в качестве вариантов: *ляд* 'нечистый, черт' – замена слова *леший*. Обычно объясняют из *ледачий* 'непутевый, негодный' или из польск. *ładaczy* 'черт' [МФ, т.Ш: 549]: *На кой ляд, на кой леший он с имя связался* (Слобод.). Вариантные названия являются системно закрепленными и имеют лексикографическую фиксацию не только в диалектных словарях. Такого рода обозначения нечистой силы следует, по-видимому, считать уже десакрализованными и десемантизированными: они, как правило, имеют междометный характер, не выполняют номинативную функцию и выражают экспрессию (реже оценку). Ср. диал. выражение *на лешак напился* с пометой 'бранное' [Лютикова 2000: 74]; стилистически маркированные варианты фразеологических оборотов *на кой ляд* // *черт* // *бес* // *дьявол* // *шут* // *леший* // *пес* // *хрен* // *прах* 'прост.' [ФСМ: 519]; ср. также прост. 'выражение негативного отношения, неудовольствия, негодования и т.п.' *да ну тебя (вас,*

всех вас, его, её, их) к ляду // к черту // к аллаху // к дьяволу // к бесу // к лешему // к бабушке [Меликян 2001: 149].

Другой вариант семантизации выбирается, если **лексические маркеры сакральных смыслов отсутствуют**. Речь идет в частности об общеупотребительных словах, приобретающих сакральные смыслы только в комплексе с другими культурными кодами, или о предметах, действиях, признаках, выступающих в качестве символов определенного ритуала, обряда. Ср., например, комментарий к описанию СТ гадания: **Богатки, богачки, божанки, их на Ивана Купалу под потолок наторкают и загадают: если хорошо расцветет – будет богатым, а не расцветет – не будет.*

* *Богатка* – растение *Erigeron*: пушки, блошница, неувяда. Цветок, название которого происходит от народного гадания о богатстве. Накануне Иванова дня берут не совсем распустившиеся цветки, для каждого члена семьи по одному, кладут обыкновенно на божницу на ночь. Чей цветок распустится к утру, тому предсказывают счастья на целый год, у кого же не распустится – несчастье или смерть [СРНГ, т.3: 45].

Лексикографическая фиксация СТ и его компонентов должна в этом случае учитывать широкие внеязыковые пресуппозиции, связанные с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями. Ср. фрагмент комментария к регламентации обряда «хождения на кашу», эксплицирующий сакральные смыслы символики дарения: «Любой пришедший проведать роженицу с новорожденным обязан был «подарить ребенка» чем-либо (хлебом, зерном, деньгами, ложкой, рубашкой и т.д.). Того, кто не принес подарка, наказывали, например, забрасывали его шапку за печь, чернили лицо сажей и т.п. От соблюдения правил обращения с даром, предназначенным новорожденному, зависела его судьба и здоровье: еду роженица должна была съесть быстро и с охотой, чтобы ребенок хорошо ел и впоследствии начал бы делать все, чему его учили, быстро и умело; ленту, которую новорожденный получал от крестных родителей, мать сохраняла весь первый год его жизни, чтобы у нее было много молока, и т.д.» [СД, т.2: 19-20]. Кроме того, дарение «на кашу» имеет прогностическую символику. По тому, к чему из принесенного ребенок потянется, гадают о его будущем: к хлебу – будет жить в

достатке, к ложке – будет «споровитым в работе», к молоку – здоровым, к рубашке – счастливым, к ленточке, пояску – долго не женится (не выйдет замуж) и т.д.

Существенное значение для интерпретации такого рода СТ имеет обращение к фольклору и живой разговорной стихии, к диалектному материалу, к народной идиоматике, которые позволяют воспроизвести символическую ситуацию, условное пространство функционирования культурного текста.

Представление формально не выраженных сакральных смыслов может выглядеть, например, следующим образом: *Бабий переполох*. Номинативные варианты: *девичий переполох*, *страхолох*. Колючник обыкновенный. Травянистое растение с прямым длинным стеблем, зубчатыми очень колючими листьями и лилово-пурпурными цветками. Растет на сухих опушках, лугах. В народной медицине используется для лечения испуга. Контексты употребления: *У меня соседка как-то вяжет ли чё делат ночью, в окно стукнули, она выглянь возьми, а там свинья высунулась, дак соседка потом болела рожей, вот бабий переполох помог, а так страх как выгониш?* [Коновалова 2000: 24]. Информация о сакральном знаке эксплицирует пресуппозиции, связанные с традициями народной медицины и представлениями людей о причинах болезней: В некоторых местах считается, что одной из причин женских болезней является испуг от «насыльного беса», который в образе какого-нибудь домашнего животного неожиданно появляется перед женщиной, засидевшейся за полночь за домашней работой. Следствием такого испуга может быть умопомрачение, различные воспалительные заболевания, излечить которые можно только колючником: его запаривают вместо чая, колют им пятки больной, развешивают вокруг кровати, чтобы «насыльный бес» больше не приближался и не усугублял болезнь своими издевательствами [Коновалова 2000: 22].

Ср. также комментарий к примете-прогнозу, не содержащей формально выраженных маркеров сакральности: *Без *вежливого свадьба – без спокою судьба* (Туринск.).

**Вéжливый* // *вéжливец* – почетное название колдуна на свадьбе, являющегося часто и распорядителем свадьбы. Обязанность его состоит в том, чтобы охранять свадьбу от порчи, раз-

рушать злонамеренные чары и предупреждать всякие считаемые худым предзнаменованием случайности: например, чтобы лошади в свадебном к венцу поезде не остановились, не распрягались, не рвались порывисто, не заметали снегом или пылью и т.д. Вежливый осматривает все углы и пороги в доме, пересчитывает камни в печах, кладет замок на пороге, дует на скатерть свадебного стола, нашептывает разные наговоры над одеждой молодых и под лошадиной сбруей, дает молодым привески к крестам на шее и т.д. [СРНГ, т.4: 96]. Варианты названия: *вражной // врожей // вражий*, т.е. знающий с нечистой силой // *большак*, т.е. старший на свадьбе.

Выявление сакральных смыслов может осуществляться также через указание символических функций обозначаемого: «*Деревянный (сухой) огонь*. Огонь, добытый трением двух сухих кусков дерева. *Деревянный огонь поддерживают летом около деревень, так как, по мнению крестьян (и многих инородцев Сибири), он помогает от падежей скота* (Пятканов и Зобнин, 1890). *Думали: сухой огонь помогает. От березы брали два столбика, терли один об другой, доставали деревянный огонь*» [Фразеологический 1983: 125].

При семантической диффузности символа описывается круг наиболее значимых культурных функций с приведением типовой метафорики и идиоматики: «*Амбар*. Др.-рус. *житница*, хранилище жита, связанное в ритуально-магической практике с обеспечением урожайности и плодородия... В амбаре совершались продуцирующие и апотропейные действия, связанные преимущественно с жнивной, новогодней, иногда свадебной обрядностью. Широко распространен обычай хранить в амбаре жатвенную «бороду» – последний сноп или венок жатвенный... Полный амбар – метафора хорошего урожая и богатства (ср. рус. *полные закрома*)... Существует обычай открывать амбар в определенные календарные даты, например, у болгар в рождество, чтобы в новом году был хороший урожай. Считается, что колдуны и колдуньи раскрывают свои амбары во время молотбы или когда делают пережин, чтобы хлеб мог сам с полей сыпаться в сусеки (костром.). У восточных славян в амбаре молодожены иногда проводили первую брачную ночь» [СД, т.1: 104].

Сакральное слово в СТ (в качестве единицы семантических полей «сверхъестественное», «таинственное», «священное», «демоническое», «ритуально-магическое» и т.п.) выступает лишь как ассоциативный стимул, толчок к актуализации всего содержания СТ или отдельных его аспектов, получающих реализацию в зависимости от уровня языковых и внеязыковых знаний говорящих и их коммуникативных намерений. Характер целостного восприятия СТ определяется комплексом элементов устойчивой и варьируемой информации о соответствующем участке описываемого денотативного (или квазиденотативного) пространства в содержательной структуре текста, в совокупности его актуальных смыслов. При этом «ассоциативный потенциал <сакрального слова / выражения> предстает как обусловленная самим лексическим значением **программа преобразования потенциального содержания в актуальное**» [Гридина 1996: 60-61]. Такая «программа» моделирования актуальных смыслов СТ может быть реализована при учете всей совокупности типов культурной информации, транслируемой элементами СТ. Это связано с привлечением для лексикографической практики фактов рефлексивной интерпретации носителями языка сакральных смыслов, передаваемых знаками разных культурных кодов: обрядов, традиционного народного календаря и святцев, практики народной медицины и т.д.

Литература

Буслаев Ф.И. Значение собственных имен: лютичи, вильцы и волчки в истории языка // *Временник императорского московского общества истории и древностей российских.* – М., 1851. – Кн. 10.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Об ассоциативных «реакциях» языка на деэтимологизацию слов (на материале диалектных названий растений) // *Русская диалектная этимология.* – Свердловск, 1991.

Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. – Екатеринбург, 2001.

Словари и справочники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. – М., 1989. – Т. 1-4.

Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. – М., 2003.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень, 2000.

Меликян В.Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М., 2001.

МФ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. – М., 1986. – Т. 1-4.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995. – Т. I-III.

Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. – М.; Л., 1965-1998. – Вып. 1-36.

ФСМ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.

© Коновалова Н.И., 2007